
Врата «Мгновения»
Часть четвертая
Эдуард Немировский
18+

Edward Nemirovsky

Врата «Мгновения»
Часть четвертая

https://litres.ru/74925707
SelfPub; 2026

Аннотация

Врата «Мгновения»
Часть четвертая

Автор рассказывает историю, основанную на своих личных впечатлениях и опыте, а также на опыте своих предков, переживших драматические события XX века в стране с коммунистическими идеалами. Он использует сведения об исторических фактах и личностях, добавляя к реальным, иногда малоизвестным деталям вымышленные. Этот прием позволяет играть с границами между действительностью и фантазией, создавая особый художественный мир.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 58

Edward Nemirovsky
Врата «Мгновения»
Часть четвертая

Вступление

«И снится Вере Павловне сон, будто:

Доносится до нее знакомый, — о, какой знакомый теперь! — голос издали, ближе, ближе, —

Wie herrlich leuchtet
Mir die Natur!
Wie glänzt die Sonne!
Wie lacht die Flur![1]

И видит Вера Павловна, что это так, все так…

Золотистым отливом сияет нива; покрыто цветами поле, развертываются сотни, тысячи цветов на кустарнике, опоясывающем поле…; взошло солнце, радуется и радует природа, льет свет и теплоту, аромат и песню, любовь и негу в грудь, льется песня радости и неги, любви и добра из груди — „О земля! о нега! о любовь! о любовь, золотая, прекрасная, как утренние облака над вершинами тех гор!..“»

«— Ты хочешь видеть, как будут жить люди, когда царица, моя воспитанница, будет царствовать над всеми? Смотри».

В который раз Марк, перечитывая роман Чернышевского

1

«Что делать?», удивлялся наивности его героев, веривших в прекрасное будущее, в котором все станут такими же высоконравственными, бескорыстными, великодушными и благороднейшими людьми, как они сами. Чернышевский мечтал о новом обществе, о социализме, о новом человеке. Собственно, как и многие тогда, ведь время было такое. И Фридрих Ницше тоже носился со своим «сверхчеловеком». А в отношении этого нового человека Марку вспоминались слова Воланда из «Мастера и Маргариты» Булгакова: «Люди, как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

Кстати, Булгаков создавал образ Воланда уже во времена социализма, наступления которого так ждали эти мечтатели. Ирония судьбы: давно переехавший в Нью-Йорк и доживший там до седин Марк застал коммунистическую болезнь и в своей любимой Америке. Многие американцы начали склоняться к социалистическим идеям и называть себя демократическими социалистами. Волосы у Марка еще сохранились — было чему стать дыбом. (К слову, у его деда Паруйра, армянина, до девяноста лет была шевелюра, пусть и седая.)

Перечитывая сны Веры Павловны, Марк сравнивал их со своими. Его сны менялись с возрастом.

В детстве во сне он легко мог взлететь, если возникало желание или надо было уйти от погони. Он вставал на край крыши или обрыва, прыгал вниз, набирал в падении скорость и взлетал. Но со временем делать это стало труднее. Уверенность куда-то пропала, появился страх высоты, и вскоре полеты совсем прекратились.

Позже Марку начали сниться другие повторяющиеся сны. Будто он перелезает через разломанный забор их старого общего двора и оказывается за границей, но нужно обязательно вернуться назад до захода солнца. Иногда в этих снах он еще пытался взлететь, но страх высоты уже не отпускал.

В новом тысячелетии романтика из снов ушла. Теперь Марк уже совсем седой, и сны ему снятся странные, изматывающие. Вот и сегодня приснилось, будто он бродит по грязным улицам Нью-Йорка и ищет туалет или душ. Но во все кабинки, куда он пытается зайти, страшно ступить — везде грязь и нечистоты. А в душевые — огромные очереди.

«К чему всё это? — подумал Марк, как только открыл глаза. — Может, эти сны пророческие, как в Библии у Иосифа? Что ждет Америку? Неужели наступает социализм — он ассоциируется у меня как раз с грязными туалетами и очередями?»

Гуляя по набережной Брайтона, на закате того же дня Марк размышлял обо всем этом и услышал знакомый голос… Как во снах Веры Павловны.

— О чем ты думаешь? — спросил его голос.

Но Марк не ответил, он пристально всматривался в какую-то точку. Она ежесекундно росла, превращаясь в большую черную дыру, вокруг которой бушевал океан, заливая все оставшееся пространство, весь темнеющий, мрачный небосклон. «Вот они, врата! — догадался Марк. — Название написано вверху: „Мгновения“, здесь сталкиваются два пути — прошлое и будущее».

И он опять услышал голос:

— Войди в эти врата, друг мой, и вопрос всего и вся: «Хочешь ли ты этого снова и снова, бессчетное число раз?» — ляжет тяжелейшим грузом на все твои действия. Если ты скажешь «да» радости, тем самым ты скажешь «да» и всем горестям. Все вещи связаны и переплетены...

И Марк вошел в это пространство.

Глава 1

На дворе весна! Социализм! Ярко светит солнце. Марку семнадцать — прекрасная пора! Молодость украшает и освящает все вокруг, даже то, что все равны и страной управляют коммунисты (их руки теперь не в крови; напротив, они ходят в красивых костюмах с галстуками, а на партийных собраниях проповедуют мораль, добропорядочность, честность и труд на благо общества). Вокруг много красивых девушек с разными оттенками глаз, кожи и волос, с обещающими и влекущими к себе взглядами. Многонациональный цветник восточных, азиатских, европейских, кавказ-

ских красавиц и социализм выглядят как сказка, о которой мечтали герои Чернышевского. Это общество должно было создаваться не для рабочих и крестьян, как призывали большевики, а именно для молодых, таких как Марк, ведь для молодости любое общество — это счастье, ибо они расцветают вместе.

Марк — студент политехнического. Обучение в высших учебных заведениях бесплатное, как и многое другое в стране. Нужны только знания, которых у Марка, между нами говоря, нет. Но существуют блат, взятки, влиятельные люди — это кровь системы и воздух, без которого социализм задохнулся бы.

Марк стоит у входа в вестибюль главного корпуса института и рассказывает что-то своему другу Сёме, с которым познакомился не так давно. Они учатся на одном факультете. У Сёмы тонкое чувство юмора, которое бывает у людей с достаточно высоким интеллектом, поэтому он может оценить богатый репертуар анекдотов своего друга. Именно это их сблизило. Оба веселятся, кидают по сторонам взгляды: вокруг много студенток, коленки и икры их стройных ножек сверкают под мини-юбками, модными в то время. Ребята присматриваются. Их тянет к любовным приключениям.

Впрочем, Сёма более прозаичен или, лучше сказать, реалистичен. Его волнуют не любовные страсти, связанные с обязательствами, а простые сексуальные отношения. И чем больше и разнообразнее, тем лучше. Он не столь капризен и

требователен в выборе подружек, как его новый друг Марк, для которого важны и романтика, и любовь.

Вечерами, когда Марк приходил в гости к Сёме, как они обычно договаривались, он часто заставал его на балконе с капитанским биноклем, в который тот рассматривал улицу и прохожих. Когда в объектив попадала симпатичная девушка, Сёма быстро спускался на улицу, чтобы познакомиться, или, как говорили тогда, «заклеить девочку». При этом он уговаривал Марка заняться ее подружкой, если девушка была не одна, чтобы разделить их дуэт.

Марку это не всегда нравилось. Ему хотелось быть покоренным красотой девушки и добиваться ее. Но к настоящей любви он пока не был готов: необходимо было сначала самому состояться как личность, чего Марк пока не достиг. Он жил как во сне, в каком-то тумане иллюзий и обманчивых впечатлений, как слепой щенок, которого внезапно бросили в мир желаний, движущих родом человеческим.

Нет, себя он еще не нашел. В институте учился кое-как, без интереса. Был легкомыслен в отношениях с девушками, да и в отношении своего будущего тоже. Пока единственное, что его всерьез увлекало, — классическая музыка прошлых веков. Его искреннее восхищение ею не вызывало сомнений. С удовольствием читал древних философов и собирал книги по искусству. В этом уже намечалась какая-то личность, но не более того.

Впрочем, его друг Сёма не сильно отличался от него, хо-

тя в институте учился хорошо, даже на отлично. Однако его сексуальная жизнь била ключом.

Сёмины родители, видные адвокаты, местная интеллигенция, требовали от сына строгого порядка в каждодневном быту и благопристойного поведения в целом. Особенно требовательным был отец. Мать была мягче и радовалась дружбе сына с Марком.

Однажды она позвонила Марку и даже заплакала, рассказывая, что Сёма уже несколько дней не ночует дома, не ходит в институт, связался с какой-то иностранкой из Болгарии, старше его, и живет с ней в общежитии. Не мог бы Марк повлиять на своего друга и вернуть его домой?

— А отец его и видеть не хочет, — добавила она.

Марк нашел Сёму в общежитии, где жили иностранные студенты. Они приехали по линии молодежных организаций социалистических стран.

Сёма тут же радостно познакомил друга с болгаркой, и она сама отправила Сёму домой к маме. «Он уже неделю не вылезает из моей постели», — игриво сказала она. Будучи опытной женщиной, она, видимо, получила удовольствие от отношений с советским юношей и решила не вовлекать себя в международный скандал.

Отец долго не хотел разговаривать с Сёмой, а его мама, Ева Семеновна, была счастлива, когда Марк привел заблудшего агнца.

— А у нас гость! Познакомьтесь, ребята, — радостно ска-

зала она, как только Сёма и Марк вошли. Чему она больше радовалась — гостю или сыну? Наверное, и тому и другому.

За столом сидел мужчина лет семидесяти пяти, аристократического вида, встречавшегося все реже и реже в молодеющем социалистическом обществе. Он был в летней майке: жара рано начиналась в этих южных краях. Высокий и представительный, он выглядел как персонаж из кинофильма о российских буржуа прошлых веков.

— Это известный художник Вербов, — с благоговением представила мужчину Сёмина мама. — Он приехал из Америки проведать свою сестру, нашу приятельницу. Ты ведь знаешь ее, Сёма, — Валю. Мы их и пригласили в гости. Картины Михаила Александровича, между прочим, ребята, находятся в лучших музеях мира: в Нью-Йорке, в Мадриде, в Третьяковке, — отметила она с гордостью.

— Михаил Александрович, — представился художник, встав и тепло, с удовольствием пожав руки юношам. Потом он добавил: — Я люблю общаться с молодежью.

Марк удивился, что такой солидный человек поднялся, чтобы поприветствовать двух незрелых юнцов.

— Да, я наконец смог, пусть почти инкогнито, приехать в ваш город, где в юности учился и работал, — охотно объяснил Вербов. Видно, он был рад возможности рассказать о себе не пожилым людям, как он сам, а тем, кому предстоит идти дальше по жизни и вступить в новый век.

Зашла его сестра Валя, высокая и стройная, несмотря на

возраст, и ее муж Миля, полный мужчина с огромным ртом и толстыми губами. Они сели на диван. Сёмина мама предложила чай и приготовленные для гостей еврейские сладости: кугл с яблоками, изюмом и корицей и медовый пирог с маком.

— Родился я в Екатеринославе, ныне — Днепропетровск, — продолжил рассказывать Вербов, не глянув на вошедших.

Его сестра сама обратилась к нему, смеясь:

— Как тебе, Миша, наши советско-еврейские пироги?

— О! Замечательно! — ответил Михаил Александрович и продолжил рассказывать молодым ребятам: — А детство мое прошло здесь, в Ташкенте. Учился я в гимназии, увлекался пением и рисованием.

— А как вы оказались в Ташкенте? — спросил любопытный Марк.

— На юге Российской империи происходили еврейские погромы, и мои родители где-то в начале девятисотых годов решили переехать в Туркестан. Мне было тогда лет пять-шесть, а Валечка еще не родилась. Позже, когда я уехал учиться в Петроград, я перешел из иудейства в православие. Этого захотели мои родители, чтобы обезопасить меня от погромов. Но я это сделал и по собственным убеждениям, ведь Иисус тоже был еврей. Так вот, в Петрограде для меня открылись врата в рай — я познакомился с великим художником Ильей Репиным и стал его фактически последним учеником. Свои работы я привозил в «Пенаты», где он жил,

по средам, а Илья Ефимович давал мне домашнее задание. Лучшее, что я могу вспомнить в своей жизни, дорогие мои юноши, — это мои учителя Илья Ефимович Репин и великий Титта Руффо — итальянский король баритонов, у которого я учился вокальному искусству.

— Вы учились на юриста, рассказывала мне Валя, — вмешался в разговор Миля с полным ртом медового пирога.

— Миля, кушай! — сказала Валя, очевидно стесняясь его бесцеремонности.

— Она всегда ему так говорит: «Миля, кушай», — шепнул Сёма Марку на ухо, смеясь.

— Зачем? — удивился Марк.

— А он всегда не по делу вступает в разговор и глупости говорит, ей стыдно, вот она так рот ему и закрывает.

— По требованию отца я поступил на юридический в Петроградский университет, это верно, но вскоре бросил его, — объяснил Вербов. — Меня влекло к творчеству, к искусству.

«И меня тянет к творчеству, — задумался Марк, отвлекшись на свои размышления. — На лекциях в институте мне невыносимо скучно. Учителя какие-то блеклые, неинтересные. Видимо, по великому блату их туда устроили. Надо что-то решать. Нет, это не мое!»

А Вербов продолжал:

— Илья Ефимович Репин вскоре предложил мне пожить у него в «Пенатах». О таком я даже не смел мечтать. Жить и работать с самим Репиным! Да разве может быть что-нибудь

лучше? С величайшей радостью я всегда вспоминаю об этом.

Репин рекомендовал меня в качестве вольнослушателя в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств, где я учился параллельно.

Вскоре, это было уже в 1917 году, произошло крайне неприятное для меня событие. Нет, я не имею в виду Октябрьский переворот, не пугайтесь! — улыбнулся Вербов. — Репин выгнал меня при всех. В тот вечер Илья Ефимович был не в духе, от него досталось не только мне, но и художнику Шмарову. Близкие Репина знали о его вспыльчивости. Его другой ученик, Комашка, говорил всем, что я утомлял пожилого мастера — часто приезжал в «Пенаты» и докучал Илье Ефимовичу разглагольствованиями об искусстве. Дрянной был человек, надо заметить, этот Комашка. Он постоянно пытался поссорить меня с Репиным, просто ревнуя учителя к другим ученикам. После этого случая я взял отпуск в академии и переехал из голодного Петрограда в Ташкент, где жили мои родители. Некоторое время работал учителем рисования в школе.

«Ничего себе, какие учителя были здесь в те времена», — отметил для себя Марк.

— Потом я стал директором художественного музея (сейчас он у вас называется «музей искусств»), — продолжал Вербов свою историю. — Музей открылся в бывшем дворце великого князя Николая Константиновича Романова (ныне это ваш Дворец пионеров), он был сослан в Ташкент импе-

ратором Александром Вторым в 1874 году и умер здесь в 1918 году. Я составил тогда опись коллекции великого князя и незадолго до смерти Николая Константиновича углем нарисовал его портрет. Все это хранится теперь в Колумбийском университете, в Нью-Йорке, в архиве Бахметьева.

Через два года я вернулся в Петроград, чтобы продолжить учебу. Но в то время в академии был страшный развал, а во главе стояли футуристы и им подобные. От Репина я перенял неприятие радикальных отступлений от реалистического изображения натуры. Вскоре я переехал в Москву вслед за своим преподавателем Кардовским и учился в его мастерской во ВХУТЕМАСе.

— А как ваши отношения с Репиным? Так вы и расстались? — спросил муж Вали.

— Миля, кушай! — шепнула Валя.

Но Вербова не смутил вопрос, и он с удовольствием рассказал, больше обращаясь к молодым, которые слушали его, открыв рот:

— После революции Репин оказался в вынужденной эмиграции, поскольку петербургский пригород Куоккала, где находилось его имение «Пенаты», вошел в состав Финляндии. Я как-то решился написать учителю письмо, чтобы положить конец нелепой размолвке. Я помню его почти на память. «Глубокочтимый Илья Ефимович! — писал я. — Как могли Вы думать, что я могу сердиться на Вас, бесконечно мною любимого и чтимого? В последние наши встречи я мучился

оттого, что Вы резко изменили свое отношение ко мне, и это было тем тяжелее, что я не знал, чем это вызвал, так как никакой вины за собой не чувствовал. Все эти годы я так же искренне и глубоко любил Вас и с бесконечной благодарностью вспоминал время, проведенное с Вами».

Переписка, начавшаяся между нами, продолжалась до конца жизни Ильи Ефимовича. Я рассказывал учителю о своих планах и успехах, о художественной жизни Петрограда, Москвы и Парижа, а в ответ получал чудные, ласковые письма, согревающие мою душу. Я ждал их как праздника. А сам писал ему: «Так хотелось повидаться с Вами, услышать Вашу критику моих работ, Ваши мудрые советы, написать с Вас портрет и говорить, говорить, говорить...»

Я помог Репину увидеться после долгой разлуки с младшей дочерью Татьяной Ильиничной Репиной-Язевой, которая со своей семьей проживала в усадьбе Здравнево под Витебском. Для этого я добился аудиенции у наркома внутренних дел Дзержинского, а затем нарисовал его портрет. А Репину я с радостью сообщил: «Мне достаточно было показать Ваше письмо ко мне, где Вы пишете о желании увидеть Татьяну Ильиничну, Дзержинскому, и он дал немедленно телеграфное распоряжение о скорейшей и беспрепятственной выдаче паспорта дочери Репина». Я проводил Татьяну Ильиничну до пограничной станции Белоостров. Вместе со своим внуком Валентином она приехала к отцу на 80-летний юбилей и пробыла у него два месяца. Он был благодарен мне

невероятно!

Художник открыл лежавший на столе альбом с репродукциями и показал копию письма.

— Вот, это фотокарточка Ильи Ефимовича с подписью: «Михаилу Александровичу Вербову, доблестному рыцарю, незабвенным добродетелям — великодушию и бескорыстию. Илья Репин». На другой открытке Репин написал: «Дорогой Михаил Александрович! Каждый день вспоминаем Вас. И вообще память большую Вы по себе нам привили. Спасибо, спасибо Вам. От всего сердца желаю Вам успеха и уверен, что он сторожит и не замедлит выделить Вас». Эти репинские автографы я бережно храню и называю своим «моральным паспортом».

Вербов умолк, немного расстроившись из-за воспоминаний.

Пауза затянулась, и Сёма спросил Михаила Александровича:

— Вы рисовали только портреты?

— Да. Но лучше бы сказать, *писал* портреты, — поправил его Вербов. — Правда, не всегда люди мне позировали — тогда приходилось наблюдать за ними на публичных мероприятиях.

— А кого вы рисовали на своих картинах? — спросил Марк.

— На своих полотнах я изображал, — тоже слегка поправил Вербов, — самых разных людей: простых моряков, ры-

баков, писателей, артистов, государственных деятелей, герцогов, королей.

— Он мастер, — похвалилась сестра. — Его работы есть в Прадо, Метрополитене, портретной галерее в Вашингтоне, Третьяковке и королевском музее в Стокгольме.

— Ну ладно, ладно, Валечка, — махнул Вербов рукой. — Вот, ребята, дарю вам альбом с репродукциями моих работ. Здесь есть почти все.

— Наш Марк коллекционирует живопись, — сказал Сёма.

— Да, — подтвердил Марк, но не признался, что предпочитает искусство эпохи Возрождения или, в крайнем случае, сюрреализм. Он также умолчал, что не любит современный реализм, особенно советский; в разговорах с Сёмой и друзьями он называл его «ложью в живописи».

Однако, листая альбом во время беседы, Марк заметил много интересного. Здесь были портреты великих оперных певцов Шаляпина и Собинова, художников Коровина и Репина, короля Швеции Густава Пятого и испанского герцога Альба, пианиста Эмиля Гилельса, писателей Ивана Бунина и Андре Моруа, председателя Временного правительства Керенского и многих других знаменитостей, которые для поколения Марка уже стали легендами.

— А кто эти люди? — полюбопытствовал Марк, указывая на групповую фотографию.

— Это на даче у Чуковского. В тот день Владимир Маяковский впервые прочитал нам свою поэму «Облако в шта-

нах». Вот — это я с Репиным. А это — Чуковский, Евреинов и сам Маяковский.

— Неужели вы изображали и его? — удивился Марк, увидев в альбоме портрет Ленина.

— Да, но он мне не позировал. Кто я был для него? Я наблюдал за ним на митингах и собраниях, делал зарисовки и потом писал портрет. А вот Федор Шаляпин в роли Бориса Годунова, или шведский король, или Бунин — они мне позировали. Но Бунин был тогда уже очень болен, и я скрыл черты его лица, говорящие о страданиях от многих мучительных болезней, постигших его. Это моя самая любимая работа. Бунин жаловался, что ему было тяжело дышать…

— А какие у вас впечатления от живого Ленина? — спросил Миля.

— Миля! — окликнула его жена. — Кушай.

Вербов улыбнулся:

— Я слышал, что у вас в стране говорят: «Ленин всегда живой», значит, у вас впечатлений о нем должно быть больше, чем у меня. А если серьезно, он обычный человек. Он сформулировал идеалы, которые волновали многих людей, и сам в это поверил, и народные массы за ним пошли. Но к счастливой жизни в достатке все же приводят другие идеи, какие я разделяю.

— И какие же? — спросил Сёма.

— Человек должен состояться как личность. Найти себя там, где он нужен людям, и не ждать чего-то от политиков

и правительства, которые будто бы должны ему что-то дать. Никто ничего не должен. Это я понял из собственного опыта, когда покинул родину — Россию и обосновался в Париже.

Лучшее место в мире для развития художественного восприятия — это Париж, чудо-город, пропитанный духом самых разных искусств. Но как выделиться среди сорока тысяч художников? Где истина в искусстве, а где трюк? Ответы на эти вопросы я искал в общении с богемой в кафе на Монпарнасе и на выставках современного искусства. А в залах Лувра я изучал живопись старых мастеров.

Но вскоре я заметил, что карьера художника и его успех обусловлены чем угодно, только не талантом автора. Скорее связями и знакомствами в среде продавцов картин. Арт-дилер заботился обо всем — и о прессе, и о рекламе, и о покупателях, идущих за модой на художника, модой, созданной тем же арт-дилером.

Один известный коллекционер и владелец галереи, Жозеф Эссель, регулярно приглашал меня в свое имение, где по воскресеньям собирался весь цвет французской интеллигенции. И о удача! Первым высокопоставленным заказчиком стал адвокат Жозеф Поль-Бонкур, будущий премьер-министр Франции. Этот заказ я получил благодаря знакомству с балериной Балашовой; с Поль-Бонкуром, в свою очередь, был знаком ее супруг. Портрет Поль-Бонкура понравился принцу Каролю Румынскому, будущему королю Румынии Каролю Второму, и он заказал несколько портретов.

Тогда я сразу написал своему учителю Репину: «Вот и „удача“, которая, по Вашим словам, дорогой Илья Ефимович, как-то невзначай брошенным, ждала меня».

— Можно мне уточнить? — спросил Марк, когда Вербов замолк.

— Да, мой юный друг, слушаю вас!

— Я подумал, что родина, о которой вы сказали, — это не ваша Россия, а люди, с которыми вы были близки. Не каждому дано иметь таких людей в окружении.

— Великолепно сказано, «мой принц»! Но есть и еще что-то неуловимое, а может быть, и большее, не знаю… Родина — это часть души, которая остается загадкой навсегда.

— Вот это тоже великолепно сказано! — воскликнул Миля.

Даже Валя оценила уместную реплику мужа и не одернула, как обычно.

Вербов продолжил:

— В хаосе того периода, когда так легко было сбиться с пути серьезного искусства и впасть в увлечение дешевыми эффектами, я перестал думать о разных направлениях в живописи — смотрел на натуру, старался ее понять и передать. А в январе 1933 года, в поисках новых заказов, отправился в Нью-Йорк. Во Францию я решил не возвращаться из-за истерии вокруг нацизма, наползающего как тень на Европу, когда Адольф Гитлер, начинавший свою карьеру в пивных Мюнхена, достиг вершин власти в Германии.

В Нью-Йорке я продолжал работать над образами знаменитых соотечественников и в день своего рождения стал устраивать open house, где собирались русские художники, актеры и музыканты. Моя мастерская была своего рода оазисом русской культуры в Нью-Йорке.

Мысль о возвращении на родину преследовала меня одно время: в СССР тогда, как говорили, наступила «оттепель». Но после нашумевшего посещения Хрущевым выставки независимых художников — модернистов, концептуалистов и представителей других нетрадиционных направлений — в 1962 году я успокоился и больше не думал о возвращении. На той выставке Хрущев устроил скандал, мне рассказывали — оскорблял художников, кричал на них и даже матерился.

— Но ведь вы, Михаил Александрович, портретист реалистического направления, — сказала Сёмина мама (она была достаточно образованной, чтобы дискутировать на эту тему), — а Никита Сергеевич Хрущев как раз защищал реализм в искусстве.

— Как можно присваивать себе право решать, в каком направлении должно развиваться искусство? — возмутился Вербов. — Это будут решать поколения. Да, я реалист, но не нуждаюсь в защите со стороны человека невежественного. — Вербов осекся. — Забылся немного… Извините! — И тут же рассмеялся.

— Ничего, ничего, — вступил в разговор Миля. — Его,

Хрущика, давно уже сняли. — И тоже засмеялся.

— Миля!.. — в очередной раз одернула его жена.

— Он, между прочим, Михаил Александрович, почти ваш одногодка, — продолжал Миля весело, не обращая внимания на жену.

— Большая честь, — сказал Вербов, тоже шутя. Потом задумался. — Но я обязательно опять приеду к вам в гости, — сказал он уже с уверенностью. — Лет через пять-семь. И уже официально, по приглашению министерства культуры. Дирекция Третьяковской галереи обещает организовать. Хочу сделать подарок для российских музеев: два своих рисунка и рисунок Репина «Мамонтов с дочерью». Остановлюсь сначала в Ленинграде и, конечно же, посещу музей-усадьбу моего учителя «Пенаты». Подарю им один из своих первых рисунков — карандашный портрет Репина 1915 года. Ну а потом в Москву.

— А почему вы так и не женились? Без детей? — неожиданно спросила мама Сёмы, улыбаясь и стесняясь этого не совсем тактичного, продиктованного женским любопытством вопроса. — Вы такой красивый мужчина. И у вас, говорят, красивый голос — баритон, вы даже выступали в Карнеги-холле!

— Вот, смотрите: это моя работа — стилизация под живопись Ренессанса с элементами ар-деко, — начав издалека, Вербов показал в лежащем на столе альбоме портрет утонченной красавицы Глории Морган Вандербильт. — Мне нра-

вились именно такие женщины. А вот еще! — он открыл страницу с портретом Нары де Леон, написанным в 1942 году. — Невероятная красавица!.. Да? Но я был недостаточно богат для таких изысканных, высокородных дам. Я мог писать их портреты, любить их втайне, но не более того. У меня было много заказов на портреты выдающихся людей и много выставок, но это не приносило материальной стабильности. А в вашей стране, я слышал, такие художники, как я, всегда обеспечены заказами министерства культуры и им не приходится беспокоиться о деньгах, о завтрашнем дне. Правда, они должны думать о другом — о том, чтобы угодить вашему правительству; их работы должны соответствовать вашей идеологии, а это уже несвобода. Да!.. На Западе платой за свободу творчества становятся жизненные трудности и борьба. Но без этой свободы нет смысла заниматься творчеством вообще. Во всяком случае для меня.

— Угощайтесь, угощайтесь, — хлопотала мама Сёмы, ухаживая за гостями. — Еще чаю?

— Нет-нет, большое спасибо! — отказался от добавки Вербов. — Я получил огромное удовольствие от ваших пирогов и от общения с вашими замечательными ребятами — такими внимательными и пытливыми слушателями.

— А вот что мне подарил Михаил Александрович, — Миля с гордостью показал всем небольшое полотно. На нем был изображен Миля, невероятно похожий на себя (видна была кисть большого мастера), но почему-то в образе поросенка.

— А почему в таком виде? — удивились все.

— Это шутка, — объяснил Вербов. — Муж моей сестренки попросил нарисовать его в манере Сальвадора Дали. Хотя я отрицательно отношусь к сюрреализму, ведь я ученик Репина, но я выполнил его просьбу. Вот он и убедился, что мы, реалисты, все можем, — засмеялся Вербов.

Миля, счастливый, стоял в обнимку со своим портретом, написанным знаменитым художником, и улыбался.

— Вы хотите что-то спросить, молодые люди? Не стесняйтесь, — обратился Вербов к Марку и Сёме.

— Да, — замялся Марк, — у меня есть идея, и я хотел бы знать ваше мнение.

— Ну, рассказывайте, я вас внимательно слушаю.

— На Западе есть свобода, но трудно выживать тем, кто занимается творчеством. Вы сами об этом говорили сегодня. У нас, наоборот, для творческих людей созданы все условия, но в любом виде искусства нужно соответствовать принципам социалистического реализма. Западные новинки здесь называют «вредным буржуазным влиянием».

— Так в чем же идея, молодой человек? — спросил Вербов.

— Понимаете… это скорее теоретическое предположение и может показаться фантазией. Но я уверен, что если мою идею реализовать, то можно помочь множеству способных, творческих людей. Они обретут смысл в жизни, который ищут. Ведь у каждого человека свои мечты: все мы раз-

ные.

— Ну и что это за предположение? — заинтересовался Вербов.

— Представьте себе такую штуку: те, кто только начинают свой путь в искусстве или науке, собираются в небольшие творческие коммуны в сельской местности. Они живут и работают вместе, деля время между физическим трудом и творчеством. Половину дня работают на земле, в сельском хозяйстве, чтобы заработать на жизнь — вырастить продукцию, которая реально продается, и получить доход. А остальное время — творят. Члены коммуны могут делать, что им хочется: писать полотна, сочинять музыку или изобретать какие-нибудь устройства.

Лучше организовать такие группы по интересам: писатели и режиссеры вместе, композиторы с поэтами, художники и архитекторы, ученые с инженерами и так далее. Главное — чтобы всем было комфортно и интересно вместе. Люди сами решают, хотят ли они быть в этой коммуне, отвечает ли она их ценностям и интересам.

Там не должно быть коммунистических заморочек типа «все отобрать и поделить». Не должны принуждать жить по чьим-то указаниям — свобода выбора.

Государство защищало бы коммунаров, они платили бы налоги и соблюдали законы. Это как гражданский брак, основанный на любви и взаимопонимании, а не на указке сверху.

— Ну что ж, — сказал Вербов, — идея замечательная! Но она уже реализована.

— Где?! — удивился Марк, почти вскрикнув.

— В Израиле, — улыбнулся Вербов. — Это израильские кибуцы. Не слышали? Хотя это не совсем то, что вы предлагаете, но очень похоже. Мне о кибуцах рассказывали коллеги — израильские художники, которые выставлялись в Нью-Йорке.

Представьте себе: люди добровольно объединяются в коммуны в сельской местности или даже в пустыне Негев, но не по творческим интересам, как у вас, а по жизненным ценностям и убеждениям. Они орошают землю, производят сельскохозяйственную продукцию и продают ее. Живут в гармонии и согласии, распределяя общий бюджет по договоренности.

Первые переселенцы в Палестину были юными идеалистами, как и вы, молодые люди. Они пережили еврейские погромы в Российской империи и приехали строить справедливое общество на земле предков. В начале двадцатого века они организовали первый кибуц на территории тогдашней Палестины. На их пути возникало много препятствий, но они смогли наладить сельскохозяйственное производство в безводной пустыне. Они орошали землю, высаживали сады и плантации, создав небольшие райские оазисы. К моменту провозглашения независимости Государства Израиль этих поселений было уже очень много.

Я помню, как в 1922 году творческая интеллигенция покидала большевистскую Россию на так называемых «философских пароходах» — рейсов было несколько. Мне предлагали тогда присоединиться к сионистскому движению и отправиться в Палестину, где создавались такие кибуцы. Но я, воспитанник русской культуры, принявший православие, отказался. А позже, в 1924 году, покинул Россию и выбрал Париж — европейский центр творческой молодежи, другой «кибуц», — слегка иронизировал Вербов. — Я предпочел как раз те ценности, о которых мечтаете вы, мой юный друг.

Еще я слышал, что сегодня кибуцы сильно различаются по идеологии и политической ориентации. Одни кибуцы придерживаются принципов социализма и опираются на общественную собственность, другие выбирают рыночную экономику и личную свободу — в зависимости от убеждений участников и их договоренностей между собой. Каждый кибуц сохраняет независимость в вопросах внутреннего устройства, интересов и идей, при этом все они находятся под защитой государства. Члены кибуца платят налоги и служат в армии; к слову, в израильской армии служат все, включая девушек.

Кибуц, что переводится как «коммуна», — это своеобразное маленькое государство, райский сад, созданный среди пустыни, подобно Эдему, сотворенному еврейским богом для Адама и Евы. Это уникальное явление нашего времени, на которое почему-то в мире мало обращают внимание.

— Я понял! — сказал Марк. — Это коммуна, но не рабов, а свободных людей.

— Безусловно!

— Но моя идея относится к людям творчества, — объяснил Марк. — К их свободе от материальных трудностей и посвящению себя творческой работе!

— У вашей идеи определенно есть прекрасное будущее, мой трижды романтичный юноша, — весело сказал Вербов, перефразируя Булгакова.

Он уже читал его «Мастера и Маргариту», но Марк еще не был знаком ни с творчеством Булгакова, ни с израильскими кибуцами, не знал и многого другого — и хорошего, и плохого, что откроется ему в будущем.

Гости стали прощаться.

— Засиделись у вас, уже темнеет, — заметил Миля, нежно обнимая подарок знаменитого художника — свой портрет.

— Спасибо за прекрасные пироги, Евочка, — поблагодарила Валя, прощаясь с Сёминой мамой.

Вербов наклонился и поцеловал ей руку.

— Ну вы к нам, конечно, еще зайдете, Михаил Александрович? — спросила Ева Семеновна.

— Да, да, обязательно. Но не в таком виде, как сегодня, — Вербов показал на свою летнюю майку, — это был экспромт. Приоденусь немного, — улыбнулся он.

Глава 2

В эту ночь Марк ночевал на веранде.

Он долго смотрел на горящий, жгучий желтый диск на темно-синем небе. Луна вызывала у него странное чувство удивления и преклонения, и непонятно перед чем. Он не мог оторвать от нее глаз, словно под гипнозом.

«Тело в пространстве, освещенное лучами солнца. Чужое… Пустота…» — представлял он, засыпая.

И во сне он слышит:

— Вы возомнили себя Дорианом Грэем? Это просто ваши юношеские мечты.

И видит он, как художник Вербов рисует его портрет, а он позирует, сидя на стуле.

— Я изображу вас, — говорит художник, — но стареть этот портрет не будет!

— А я?

— А вы? Как сами решите.

— От чего это зависит, Михаил Александрович? — спрашивает Марк, удивляясь тому, что помнит имя и отчество Вербова.

— Богу — богово, человеку — человеческое. Если объяснить, отчего человек стареет, то можно объяснить и эротические мечты, которые вас одолевают, и многое другое.

Художник замолк, погрузившись в творчество. Но через минуту произнес:

— И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, «как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни,

и не вкусил, и не стал жить вечно».

— Я понимаю вас, — сказал Марк. — Я подчинюсь.

Через несколько секунд Марк не выдержал:

— Можно посмотреть?

И без разрешения подошел к полотну.

— Так это же не я! — удивился он.

— А кто вам сказал, что я пишу ваш портрет?

— Но ведь я вам позирую.

— Я изображаю лишь вашу юность, а не вас, — сказал Вербов. — Как я обещал, ваш портрет стареть не будет.

— Но кто это?

— Это я сам в молодости. Я одолжил вашу юность, чтобы изобразить себя молодым. Вот если бы я мог материализовать это! — прошептал он с мечтательной улыбкой.

— Это нечестно! — обиделся Марк. — Вы хотите быть и знаменитым, и молодым?

— Давайте меняться, — предложил Вербов. — Вы мне отдаете молодость, а я вам — свою славу художника.

— Изобразите коммуну, которую я придумал, — маленький творческий рай, созданный людьми в пустыне Негев. Материализуйте мой проект, и мы туда с вами отправимся. А потом, за вашу придумку, как это осуществить, я отдам вам свою молодость. Всевышний много тысяч лет назад создал нечто подобное там, неподалеку от пустыни Негев.

Вербов молчал несколько минут, сосредоточенно рисуя карандашом. Постепенно линии и штрихи на холсте начали

оживать, и он произнес:

— Ну, нам пора, мой юный друг! У меня все готово!

Марку почудилось, что он вроде проснулся, когда открыл глаза. Холст исчез, а он шел по горячему песку. Небо было таким же желтым, как луна на веранде, только теперь оно светило снизу: пустыня раскинулась перед глазами Марка.

Вербов шел рядом.

— Вон там! Видите? Вдали? — спросил он.

— Вижу, — ответил Марк.

— Это кибуц по вашему проекту.

Живя в азиатском городе, Марк терпеть не мог жаркий климат, но здесь он ничего не чувствовал, хотя солнце палило, как раскаленная доменная печь. Вербов был весь мокрый от пота.

— Хоть бы один верблюд попался на пути! Быстрее добрались бы. Здесь все верблюды домашние и принадлежат бедуинам, — ворчал художник. — Вон там, видите? На верблюдах. Это они в своих национальных головных уборах.

По мере приближения к виднеющемуся среди выжженной растительности и сухой земли саду он разрастался, превращаясь в селение, утопающее в цветах и фруктовых деревьях. Потом оно стало похоже на огромный зеленый парк или, скорее, райский уголок с одноэтажными постройками.

— А что это за деревья в безводной пустыне? — спросил Марк художника, изнемогающего от беспощадной жары, когда они вошли в этот город-сад.

— Это акации, — сказал довольный Вербов, оказавшись на тенистой аллее. — Вот олива, эвкалипт, фисташка, кипарисы... О! Смотрите, мой юный спутник, здесь выращивают финики, мое любимое лакомство. А вот и виноград.

Путешественники подошли к небольшому искусственному озеру и стали пить воду прямо из него, как обычно делают лесные зверюшки. Омылись чистой прохладной водой и сели отдохнуть. Вдруг к ним стали подплывать разноцветные рыбы.

— Надеются, что их накормят, — рассмеялся Вербов. — Нам бы самим подкрепиться, ребятки, — шутил он, наслаждаясь прохладой и ароматами цитрусовых деревьев.

Марк не был голоден и не чувствовал усталости, как Вербов. Ему все нравилось и было интересно, любопытство — единственное, что влекло его дальше.

— Это и есть ваш проект, мой трижды романтичный юноша! — сказал Вербов.

— Удивительно! — воскликнул Марк. — Но где главное? Люди! Какие они здесь?

— Увидим, — задумчиво сказал художник. — Мне самому интересно, что из этого у нас с вами вышло.

Вдруг перед ними возникла, словно из воздуха соткалась, фигура человека.

— Вроде бы здесь не было никого? — удивился Марк.

— Сейчас узнаем! — сказал Вербов.

— Шалом алейхем, метайлим! — произнес этот человек.

Он был достаточно молод, высок и хорошо сложен. По всему было видно, что из здешних.

— Это он приветствует нас на иврите, — объяснил Марку Вербов. — Мы, к сожалению, говорим только по-русски, уважаемый… извините, не знаю вашего имени, — обратился к незнакомцу Вербов. — Но можно и на английском, если пожелаете.

Молодой человек смотрел на них доброжелательно и широко улыбался:

— Мир вам, путешественники! Я — Ездра из рода Ааронова, мое имя означает «помощь». Приехал в кибуц из Белоруссии. А что вас привело сюда?

Марк не сразу заметил, что у него за плечом торчало внушительное ружье.

— Михаил, художник, — представился Вербов. — А это мой юный спутник Марк — мечтатель и автор творческих проектов.

— О! Я очень рад нашей встрече! Я тоже художник. У нас художники — самая большая община в кибуце. Многие из них стремятся к чистому творчеству, но на их родине это не приносило дохода для обеспечения жизни. Поэтому они, словно птицы в поисках теплого пристанища, приехали сюда из разных стран. Живут и работают здесь, создают свои творения. Пойдемте со мной, я вам все покажу.

Гости с проводником двинулись по аллее. Везде звучали птичьи голоса. Некоторые пернатые скандалили так громко,

что это вызывало улыбку на лицах Марка и Вербова, улыбался и их новый знакомый. Впереди цвели вишня и сирень.

— Да… Мы превратили выжженную солнцем за века библейскую землю в плодородную почву, — говорил по пути вглубь кибуца Ездра. — Выращиваем оливки, финики, виноград, цитрусовые, а также разнообразные фрукты, овощи. У нас есть даже рыбная ферма. Все это мы продаем, обеспечивая себя необходимым для жизни. Здесь никто ни в чем не нуждается. Каждый работает по четыре — шесть часов в день на благо коммуны, остальное время посвящает творчеству. Конечно, мы любим путешествовать, и любовные приключения иногда случаются с нами. Все молоды. Некоторые художники, поэты или писатели остаются жить в общине даже после того, как становятся известными, и часть своих гонораров отдают в кибуц.

Они все дальше и дальше углублялись в сад, любуясь цветами и мелькающими среди веток экзотическими птицами.

— Те, кто занимается наукой, обычно покидают нас, когда становятся востребованными, — рассказывал Ездра, — и это правильно: им нужны специализированные научные лаборатории и институты. Здесь они успешно начинают свой путь в науку. Однако люди гуманитарного и творческого склада живут в нашем кибуце долго, годами, питаясь энергией древней иудейской земли. У них всегда есть о чем писать и что творить.

— Как вам удалось создать такое чудесное озеро с рыбка-

ми? — спросил Марк.

— Да, мы видели, — тут же подключился к разговору Вербов. — И кажется, что все разноцветные ящерицы пустыни перебрались в ваш райский уголок.

— Знаете ли вы, что в древние времена здесь было изобилие воды? — сказал Ездра. — И растительный и животный мир был богат и разнообразен. Еврейские обитатели Негева в девятом — седьмом веках до нашей эры первыми в регионе освоили поливное земледелие с использованием паводковых вод. А в дальнейшем началась история войн за право держать под контролем территорию, ведь она лежит на пересечении путей из Африки, Европы и Азии. Веками сюда вторгались варварские племена и ничего не строили, а только разрушали. Солнце в пустыне беспощадное — вот земля и высохла без ухода. Но грунтовые воды остались. Физики нашей коммуны изобрели метод добычи этих вод. Так мы и создали озеро с такой чистой водой, что можно не только купаться в нем, но и пить из него.

— А откуда берется вода для деревьев и других растений? — спросил Марк.

— Это главное! — Ездра поднял указательный палец вверх. — Молодые ребята — физики из нашего кибуца изобрели систему добывания воды в пустыне из атмосферы.

— А как это? — заинтересовался любопытный Марк.

— Инженерная смекалка! Климат здесь засушливый, поэтому придумали ультразвуковые увлажнители воздуха, а с

помощью конденсаторов и сорбентов (жидких и твердых) добывают воду.

Затем мы используем новый, неизвестный другим метод полива: вода подается непосредственно к корням растений через систему труб и капельниц и не расходуется попусту.

Мы скрываем свои секреты от народов, населяющих пустыню и окружающих нас. Пусть думают, что это еврейский Бог помогает нам. Так они будут бояться нападать и устраивать погромы. Они жалуются, что мы воруем их воду из атмосферы и поэтому в арабских деревнях засуха и нет дождей. На самом деле это их мозги высохли, поэтому и нет воды, нищета и разруха.

— А зачем вам ружье? — спросил Вербов. — Да еще такое мощное, боевое. Из-за этого?

— У нас все с оружием, и без него мы не ходим и даже не спим. Оно всегда рядом.

— Как в американских фильмах про ковбоев, — рассмеялся Марк.

— Совершенно верно. Но нам не до смеха. Сегодня моя очередь патрулировать западный участок. Круглосуточно пятьдесят человек охраняют территорию. Иначе райский Эдем превратится в ад. Люди завистливы, а наша коммуна вызывает у соседних народов раздражение. Им непонятно, почему здесь все так хорошо.

— Значит, и коммунизм не так уж далек от вас, и его идеи не такие уж бесплодные, — заметил Вербов. — Вы исполь-

зуете коллективные принципы сельского хозяйства, общий бюджет, живете и работаете в коммуне, деля между собой обязанности и доходы.

— Мы прежде всего заботимся об интересах кибуца, а уже потом — о своих, что действительно очень похоже на социализм советского государства. Многие ведь приехали оттуда, я, например, из Белорусской ССР. Вы правы, уважаемый Михаэль. Можно так называть вас? — спросил Ездра.

— Почту за честь!

— Вы абсолютно правы, — продолжил провожатый. — Но вот в чем нюанс: в Стране Советов люди объединяются по принуждению, а у нас — по собственному желанию! Молодые и умные, обладающие высоким интеллектом, приезжают к нам из разных стран. Они стремятся к материальной независимости и хотят быть вместе с людьми, близкими по духу, чтобы посвятить себя творчеству, к которому чувствуют призвание. Те, кто придерживается иных ценностей, быстро покидают нашу коммуну. Таким образом, все возможно! Любая форма общественной организации, но при соблюдении двух условий…

— Каких же? — спросил Вербов.

— Первое — объединение по желанию и на основе общих ценностей. Кибуцы в Израиле разные, и их много — можно выбирать. Везде договорные отношения основаны на интересах конкретного сообщества. Жизнь в кибуце — это своеобразный путь познания себя: можете ли вы жить в коллек-

тиве или предпочитаете независимость и материальное обогащение. Что для вас в жизни важно? Кто-то едет для самопознания в Тибет и сидит там в тишине на горе. Кто-то читает много книг. А мы выбрали такой путь. Но большинство молодежи все же предпочитает полную свободу и жизнь вне коллектива. А по моему мнению, абсолютной свободы не бывает. Человек всегда служит чему-то или кому-то: материальным благам, искусству, любимым, начальнику, своим фантазиям или, в конце концов, Богу.

— Ну а какое второе условие? — спросил Вербов.

— Интеллект! — уверенно сказал Ездра. — Понятие простых людей дискредитировало себя, особенно в большевистской стране с ее пролетариями. Да и европейские демагоги-демократы превращают теперь идеи гуманизма в мракобесие — я имею в виду их отношения с отсталыми народами, за счет которых они долго остаются у власти и доят свои должности.

— А я думал, что второе условие — вера, — заметил Вербов.

Ездра улыбнулся:

— Вера важна, но мы полагаемся на разум. Религия — личный выбор, не основа объединения. Здесь много неевреев, но большинство приезжает из-за сионистских взглядов. Антисемитизм будет продолжаться в мире, пока все евреи не соберутся на земле предков. Но именно в нашем кибуце людей объединяет творчество.

Встаем очень рано, с рассветом. Никто никого не будит и не заставляет подниматься. Утром в столовой царит тридцатиминутная тишина. Это не правило, а предложение. После этого все расходятся по рабочим местам. Работаем до заката в две-три смены. В сезон сбора урожая все работают сверх нормы, но зимой творческие отпуска компенсируют эти дни.

На Пурим обычно устраиваем спектакль, и подготовка к нему занимает целый месяц. Каждый год пишется новый сценарий. В дни Суккота и Песаха кибуц снижает объем работ, они продолжаются только на участках, где их нельзя остановить. В прошлом году построили парк аттракционов из дерева, который стал настоящей достопримечательностью. Летом главное событие — это сбор фиников.

— О! Я обожаю финики! — воскликнул Вербов, и его глаза загорелись.

— У меня вопрос, — вмешался Марк, который и был автором идеи такой коммуны. — Значит, чтобы люди жили счастливо и со смыслом, достаточно создавать общины, объединения по интересам? Для кого-то это может быть творчество или наука, для других — религия или бизнес. И государства не нужны?

— Тогда эти общины начнут воевать друг с другом, и сильные захватят слабых, — улыбнулся Ездра. — Коммунисты мечтали об идеальном человеке, который не будет стремиться к мировому господству, не будет агрессивен и завистлив и будет удовлетворен необходимым. Чернышевский,

русский писатель, только об этом и писал, как и многие идеалисты, которые витали в облаках. Но если мы будем витать в облаках, не имея силы на свою защиту, то нас в эти облака и отправят. Особенно наши соседи, которые только и мечтают об этом, а не о том, чтобы орошать и украшать свою землю.

— И где же та сила, на которую полагаетесь вы и ваша коммуна? — спросил Вербов. — Это ваше ружье за плечом?

— Оно охраняет от погромов, не сомневайтесь в этом! Но мы постоянно проходим боевую подготовку, и наши кибуцники обязательно служат в израильской армии, которая нас и защищает.

Беседуя, они миновали сад, и перед ними открылся вид на теплицы.

— Думаю, — размышлял вслух Вербов, — идея империи или всемирного объединения в коммунистическое общество абсурдна, как и идея нового человека. Каждый народ должен жить в своих традициях, в собственном небольшом государстве, ни с кем не объединяясь и никого не захватывая, но имея сильную армию. Никогда не будет ни идеального человека, ни безопасного существования, ни бесплатного сыра. Все надо заработать, и за все надо бороться.

Марк слушал, с восторгом наблюдая, как его идея была материализована, и удивлялся тому, что такие коммуны уже существуют давно в пустыне Негев. Правда, они все разные, по словам Ездры. А его, Марка, идея живет своей жизнью и развивается непредсказуемо, увлекая даже самого автора

своими неожиданными поворотами.

«Возможно, человеческая мысль, как и моя идея, продолжает жить после смерти, — думал Марк, — по инерции, превращаясь в иную субстанцию, как жизнь души. Может, душа действительно существует? Значит, не врут? Но ведь мир, который я создал, — это лишь плод моего воображения, и вскоре он может исчезнуть. Надо торопиться!..»

— Вот мы и пришли, — сказал Ездра. — Здесь вы познакомитесь с нашим житьем-бытьем. У нас в селении много одноэтажных строений из камня и плит, как в древнем Израиле. А это наше центральное здание, оно двухэтажное, и здесь есть выставочный зал и концертный зал. Зайдем? — предложил он.

Они поднялись по лестнице и вошли в просторное помещение с каменной лестницей снаружи и внутренним двором, имеющим выход. Вокруг двора цвели яркие цветы, а оливковые деревья создавали тень.

— Нижняя часть стен сделана из камня, который в Эрец-Исраэль можно добывать в изобилии, — объяснял Ездра. — Верхнюю часть строили из кирпича-сырца и дерева. Стены белили известью.

В одной части зала на стенах висели картины, изображающие жизнь общины или исторические и библейские сюжеты, в другой — виднелись полотна авангардистов. В углу стояли скульптуры. Свет мягко струился через большие окна, наполняя комнату теплым сиянием. В воздухе витал аромат

свежей выпечки: видимо, где-то рядом была пекарня.

— Я думаю, вам нужно подкрепиться, — весело сказал Ездра. — У нас очень вкусная шаурма.

Он вывел гостей во двор, где стоял длинный стол. Появилась девушка в шортах и начала сервировать.

— Хана, нам шаурму, пожалуйста, — попросил Ездра.

— Какая красивая девушка! — воскликнул художник Вербов. — У нее такие необычные черты лица! Я с удовольствием написал бы ее портрет.

— Она приехала сюда из Ленинграда. Ее отец — еврей, а мать — кореянка. Говорит только на русском, но уже немного знает иврит. Ее имя Хана — и еврейское, и корейское одновременно, — рассказал Ездра.

Подали шаурму, запах которой давно учуял Вербов. Марк не чувствовал ни голода, ни восторга от красоты Ханы, что для него было весьма нехарактерно. Все плотское куда-то исчезло. Но он догадывался о причине: это его сон!

— Хана — художница, — продолжал Ездра. — Ей нравится писать пустыню в разных красках и образах — как уникальный природный ландшафт, символизирующий одиночество. Но в ее картинах всегда есть проблеск надежды, где-то вдали, на горизонте. Думаю, она пока ищет свой стиль и свою тему.

— Я, как человек с опытом и тоже художник, предполагаю, что она ищет и свою любовь, и это отражается в ее работах, — сказал Вербов. — Пустыня в мягком свете утра,

пустыня солнечным днем и тихим вечером, звездной ночью — это богатейший материал для художника, а для нее еще и способ передать одиночество в разных состояниях.

— Да… — сказал Ездра, видимо, думая о чем-то своем. — Каждый художник мечтает быть свободным, независимым и заниматься только выражением своих идей. Это естественно, и мы относимся к этому с пониманием. Наша коммуна — приют для начинающих или тех, кто хочет посвятить свою жизнь творчеству, невзирая на отсутствие интереса со стороны публики. В истории живописи было много случаев, когда слава приходила к художнику потом… Если вообще приходила, — добавил он с ироничной улыбкой.

Ароматы восточной кухни вокруг смешивались с благоуханием экзотических цветов и фруктов. Удивительно, но Марк ощущал запахи, хотя все это ему снилось. И чувствовал ласковый ветер, теплый в тени и горячий на солнце. Он слышал и отдаленные человеческие голоса и шумы, говорящие о том, что в кибуце идет повседневная работа.

Вдруг издалека, с разных сторон начали доноситься музыкальные звуки. Они становились все громче и громче, окутывая пространство мягкими гармониями и непривычными звукосочетаниями. Среди этого необычного музыкального потока иногда вырисовывались знакомые мелодии и мотивы, словно попурри из произведений классиков. Порой отдельные звуки разнообразных, неповторяющихся тембров то выплывали издалека, то раздавались вблизи, вызывая ощу-

щение пространства и мистики. Среди них были и немузыкальные звуки дождя, ветра, морской стихии и волн, зимней вьюги или крики птиц в небе. Даже имитация воя шакалов, которые во множестве водятся в пустыне, казалась мягкой и музыкальной.

К этим звукам постепенно подсоединились голоса мусульманских муэдзинов, призывающих к молитве, образовав своеобразный хор, который вскоре слился с симфоническим оркестром, исполняющим «Неоконченную симфонию» Шуберта. Порой эти разностильные звуки диссонировали, а иногда причудливо гармонировали, создавая ни на что не похожее музыкальное сочетание.

— Это медитация, — сказал с улыбкой Ездра удивленным Марку и Вербову. — Создает душевный покой в обеденное время. Изобретение наших композиторов. Идея возникла под впечатлением призывов к молитве, звучащих ежедневно из окружающих арабских деревень.

— Как удалось создать такой эффект, что кажется, будто музыка исходит откуда-то с небес? — поразился Марк.

— Да, именно! — поддержал Вербов. — Ваш Бог однажды создал сад Эдем, и вы теперь оформляете его музыкально? — пошутил он.

— Это на самом деле простое решение наших звукоинженеров: пространственная музыка. Шестнадцать усилителей, расположенных на различном удалении от кибуца, создают эффект, напоминающий эхо в горах. Каждому из шестна-

дцати каналов соответствует индивидуальная дорожка музыкальной записи. Их звуковые комбинации, звучащие одновременно с разного расстояния, соединяются в уникальную композицию. Особенно интересно, как призывы к мусульманской молитве, доносящиеся издалека, в какой-то момент начинают смешиваться с мелодиями наших авторов, демонстрируя неповторимое слияние противоположных культур. Иногда это диссонирует, а иногда гармонирует. Своеобразный символ, попытка объединения наших народов через искусство!

— Да, да! Мы услышали это, — подтвердил Вербов.

— Наши композиторы — пионеры в электронной, серийальной и алеаторической музыке. Они создают уникальные формы. То, что вы слышали, — это полистилистика, где смешиваются разные стили и эпохи, а также авангардный жанр перформанс.

Композиторы начинают трансляцию своих произведений незадолго до того, как зазвучит пение муэдзинов. Они используют электронику и синтезаторы, чтобы объединить оркестр, хор, экзотические голоса и инструменты. Впрочем, они могли бы объяснить это лучше.

Хочу обратить ваше внимание на другое. Наши композиторы часто экспериментируют с электронной музыкой, потому что живые исполнители и коллективы находятся в городах, где популярна классика. Иногда композиторы пишут для традиционных ансамблей и солистов, но без живых ис-

полнителей их партитуры остаются лежать в столе, как в гробу. Редко чьи сочинения попадают в репертуар известных оркестров и ансамблей. Композитор считает, что музыка не рождается на бумаге. Без исполнителя ее никто не услышит — это мертвый плод.

Литературные произведения начинают жить сразу после появления в рукописи, ведь каждый может их прочесть. Однако и здесь существуют языковые границы. Например, многие поэты и писатели в нашем кибуце пишут на языках своих родных стран. Художники же более универсальны: их произведения доступны каждому, у кого есть глаза.

— Думаю, и здесь есть некоторые ограничения, уважаемый Ездра, — заметил Вербов.

Ездра и Марк вопросительно посмотрели на него.

— Важны не только глаза, но и интеллект, а также элементарные познания в стилях живописи.

— Ну что ж, — весело ответил Ездра, — в таком случае пора вам воспользоваться своим зрением и интеллектом и познакомиться с работами наших местных художников.

— Я жду этого приглашения давно, — обрадовался Вербов.

В просторном выставочном зале царила прохлада. Построенный из природного камня, он поддерживал идеальную температуру для картин. Для Марка смена горячего воздуха на прохладу не была столь физически ощутима, в отличие от Вербова, который явно блаженствовал. Попав в окру-

жение произведений искусства, Вербов почувствовал себя в своем мире, где его душа обитала с юности. Он сразу устремил взгляд на портреты.

— Это арт-фотография, — пояснил Ездра. — Авторы используют фотографию как художественный инструмент для воплощения концептуальной идеи. Некоторые из фотохудожников стремятся уйти от авторского видения, интерпретации и всего эмоционального. Их работы — это снимок объективной реальности, запечатленной в мгновении.

— Мне нравится эта идея, — сказал Вербов, подойдя к фотографии молодого солдата, сидящего в пустыне на закате. В его руке автомат, на лице мучительная гримаса раздумья над неразрешимым вопросом. — Это замечательно! — воскликнул Вербов. — Очень выразительный сюжет.

Он прочитал название: «О чем он думает?». Подпись: «Арни Ноа».

— Вы разгадали сюжет? — спросил художник Марка.

— Я чувствую трагедию, — ответил Марк.

— Его мать еврейка, отец палестинец, — уточнил Ездра.

— Да, это сильно! — Вербов долго смотрел на снимок. — Понимаю, библейская драма со времен Авраама, Сарры и Агари.

— Почему не подписано, что этот солдат смешанных кровей — еврейской и арабской? — спросил Марк.

— Предполагается, что визуальные образы должны быть поняты без объяснения, — сказал Ездра.

— Мне как художнику было бы очень интересно узнать, как автору удалось создать такой мощный сюжет? — спросил Вербов.

— Арни Ноа уже не живет в нашем кибуце, где начинал свой творческий путь. Его работы выставляются во многих странах мира. Его тема — образы, отражающие жизнь в нашей стране, которую постоянно втягивают в конфликты и войны. И конечно, молодость! Если вы познакомитесь с его другими работами, то увидите, что в них всегда присутствует сексуальное напряжение. Он также исследует сложные аспекты гомоэротики. Арни Ноа нацелен на раскрытие идеи универсального гуманизма в своих драматических портретах.

Вербов продолжал изучать работы, представленные в этой части зала.

— Они напоминают картины эпохи Возрождения или барокко, — задумчиво сказал он. — Никогда не думал, что с помощью арт-фотографии можно так глубоко проникнуть в суть.

— Это переосмысление «Тайной вечери» Леонардо да Винчи, — Ездра указал на полотно с изображением израильских солдат.

Марк в это время сосредоточенно рассматривал другие работы фотографа.

— Это из его серии «Деревня», — Ездра подошел к Марку. — Фотохудожник хотел создать образ, похожий на сон.

Во многих отношениях его работы фантастичны и пасторальны.

— Но также полны страхов и всего того, что мы отрицаем, — добавил Вербов, тоже рассматривающий эти полотна.

— Арни Ноа интерпретирует «деревню» как метафору Израиля, «маленького места, построенного после трагедии», — объяснял Ездра свое понимание идеи. — Есть внешняя красота, но в то же время под поверхностью скрыто что-то темное и неспокойное. Израиль должен выживать в окружении недоброжелательных вражеских народов.

Марк внимательно изучал фотографии размером с человеческий рост, пытаясь понять предысторию и внутренний мир запечатленных на них израильских солдат.

Вот группа солдат в пустыне рядом с армейской палаткой, скорее всего, на рассвете. Кто-то в шутку борется друг с другом. Кто-то смотрит на них и смеется. Из палатки выходит солдат с полотенцем, а другой спит, но не на земле, а в воздухе над палаткой — словно взлетел и повис. Очевидно, что эти молодые люди хотели бы наслаждаться молодостью и творчеством, путешествиями и телесной любовью, создавать семьи. А вынуждены пребывать в суровых условиях бесконечной войны. Они выглядят так, как их создал Бог по своему образу и подобию. Тем драматичнее и обиднее, что их молодость и красота погрузились в тьму мракобесия, окружающую эту «маленькую деревню» — Израиль. Да и весь мир погрузился в эту тьму, предав этот малочисленный биб-

лейский народ.

Другой сюжет: юноша заснул в темной комнате с открытой дверью, через которую видна ярко освещенная пустыня, резко контрастирующая с комнатой, и голая, сухая земля. Автомат на полу, голова на походной сумке. Лицо юноши спокойно, словно в гармонии с окружающим миром, как когда-то в детстве под заботливым материнским взглядом.

А вот еще: чудесный райский уголок, густые апельсиновые деревья, усыпанные золотистыми плодами. В центре сада стоит белая лошадь с ласковыми глазами и молодой парнишка рядом с ней. Оба они красивы и позируют. Это покой, мир и красота! Мечта художника. И это опять сон.

А вот Марк видит сцену, где в темном каменном помещении на полу сидят две девушки и парень, еще один парень стоит. Все без одежды, их тела сверкают молодостью и красотой в луче света, который пробивается откуда-то сверху. Юные люди о чем-то увлеченно беседуют, совершенно не смущаясь своей наготы. Все естественны и свободны, как в первозданном мире.

— Можно ли вас попросить, уважаемый Ездра, показать ваши работы? — вежливо и неожиданно обратился Вербов к сопровождающему.

Ездра уже привык к деликатности Вербова, напоминающей манеры прежней аристократии, из которой тот явно происходил.

— Да-да! В каком стиле вы рисуете? — присоединился

Марк. — Или пишете картины, — поправился он.

— Вы не ошиблись, мой юный путешественник, — рассмеялся Ездра, — именно рисую! Раньше я увлекался абстракционизмом, но теперь работаю в новом направлении гиперреализма — стиля, основанного на фотографически точном изображении объекта. Идемте, я вам покажу свои работы.

Марк и Вербов с некоторым недоумением разглядывали картину Ездры.

— Какая красота! — восхитился Вербов. — Где вы нашли такую модель?

Марк смотрел на молодую девушку, лежащую на траве у пруда в лесу. Ее ноги, словно из мрамора, были обнажены, доставляя не только эстетическое наслаждение, особенно Марку. Он не отрывал восхищенного взгляда от девушки.

— Так это же фотография! — удивился Марк. — Как живая!

— Как ни странно, это настоящие картины, выполненные маслом на обычном холсте, — Вербов сразу распознал это, как художник.

Отличить живопись от фотографии было невозможно — настолько реалистично была изображена девушка.

— Главная цель гиперреализма — показать действительность, — объяснил Ездра. — Гиперреалист стремится передать все детали. Он рисует так, чтобы картина выглядела как фотография, даже реальнее. Сначала фотографируют

модель, затем фото обрабатывают, увеличивают и пишут с него картину, вырисовывая каждую мелочь. Так что, Марк, вы правы в отношении вашей реплики «рисуете», — улыбнулся Ездра. — А вот здесь еще мои работы, — указал он на ряд картин.

— С помощью этого стиля вы очень точно создаете иллюзию реального мира. Это замечательно! — отметил Вербов. — Но я придерживаюсь русской, репинской школы реализма, где на первом месте — личность художника, его неповторимый взгляд.

— Да, вы правы, Михаэль, в нашем случае индивидуальность не главное. Мы сознательно уходим от авторской манеры, чтобы добиться как можно более точного эффекта реальности.

Они продолжали рассматривать картины с девушками в разных позах на фоне природы.

Вот сидит девушка с распущенными волосами, она курит, а в глазах хитринка.

А вот другая, на темном фоне, — грустная, задумчивая.

Третья — в окружении скал и водопадов, в ее больших глазах затаилась обида.

А эта девушка лежит на лужайке, томясь в ожидании.

Еще одна — в светлом платье, счастливая, среди ярко-зеленого сада, в предвкушении чего-то, скорее плотской любви.

А эта девушка с молодым, гибким телом наслаждается

свежим воздухом и солнцем, купаясь в колосьях пшеничного поля.

Моменты, передающие реальную красоту, энергию и молодость, были мастерски выхвачены прямо из жизни.

— Замечательные модели! — никак не мог успокоиться Вербов, будучи портретистом. — Как же вам удается их находить? — недоумевал он, восхищенно разглядывая полотна. — Мне все ясно… Вы стремитесь запечатлеть то, что волнует вас в вашем возрасте.

— Я покажу вам то, что очень дорого мне. — И Ездра направился в другую часть зала.

Марк и Вербов пошли за ним. Ездра подвел их к картине, которая немного обескуражила.

Огромное полотно во всю высоту стены. Над безжизненной пустыней летит юноша, держа в объятиях девушку. Этот парень — сам Ездра, его фотография. Изображение девушки тоже реалистично. Под ними каменные скалы, зеленые холмы, убогие бедуинские деревушки и разрушенные арабские домики. Караваны верблюдов виднеются вдали на фоне огромного солнечного шара, спускающегося за горизонт. Там же бродят степные газели, горные козлы с огромными дугообразными рогами и другие животные.

Кажется, юноша выхватил девушку из какого-то пекла, капкана или плена, крепко обняв ее в стремительном полете. Движение в воздухе передано столь реалистично, что кажется, будто это видеофильм, а не замершее изображение на

полотне.

— Это здорово! Но разве это не сюжет Марка Шагала?.. Мой уважаемый коллега.

— Да, — кивнул Ездра. — Я адаптировал этот сюжет в стиле гиперреализма, в котором работаю, используя фотографии свои и Беллы, моей любимой девушки. Да, ее имя тоже Белла, как у жены Марка Шагала, которую он изображал в полете над Витебском. Такое совпадение имен и навело меня на мысль создать это полотно.

— Выглядит как фотография. Но я вижу, что это живописное произведение, созданное кистью художника. Парень страстно прижимает девушку к себе, но девушка кажется отрешенной и холодной... Во всем этом ощущается боль и печаль, в отличие от того мистического, пасторального полета Шагала со своей женой над Витебском. Я правильно уловил смысл, уважаемый коллега? — спросил Вербов.

Ездра опустил голову и вздохнул:

— Да, вы правильно поняли образную сферу. Это не пастораль, а драма. Белла погибла во время Шестидневной войны в июне 1967 года.

— А с кем была война? — удивился Марк.

— Арабские соседи, которые не теряли надежды на ликвидацию еврейского государства, напали на нас. Основную роль играл Египет. К арабской коалиции против Израиля присоединились Иордания, Сирия и Ирак. Первым делом мы уничтожили их авиацию и за шесть дней одержали побе-

ду над оставшимися без воздушной поддержки арабскими армиями. Заняли Газу, Синай, Восточный Иерусалим, Голанские высоты и другие территории.

— Но зачем, зачем ваша девушка приняла участие в этой войне? Разве не было достаточно мужчин? — недоумевал Вербов.

— В Израиле все служат в армии, идут защищать нашу маленькую страну. Правда, Белла могла служить в более безопасном месте. Но пошла за парнем, которого любила. Пошла вместе с ним. Я был тоже там. Но мои чувства к ней оставались неразделенными. Она любила другого человека.

— Вы мужественный человек, Ездра! — сказал Вербов. — Я снимаю перед вами шляпу.

— Как же вы так спокойно об этом рассказываете? — спросил Марк, находившийся под впечатлением от этой истории.

— Когда я создал это полотно, — ответил Ездра, — я излечился. Я разрядил мучительное напряжение, словно разжал тиски, сковавшие мою душу. Искусство лечит!

Все молчали некоторое время, размышляя о чем-то своем.

— Есть ли у вас желание познакомиться с нашими художниками-концептуалистами? — Ездра прервал затянувшуюся паузу.

— Да, я бы хотел, — кивнул Марк.

Вербов пожал плечами.

— Ну, покажите нам… — сказал он неуверенно. — Я не совсем согласен с тем, что это искусство, — скорее философия или манифест.

Ездра направился в другую комнату, и гости последовали за ним.

— А в чем смысл этой скульптуры? — спросил Марк, глядя на каменное изваяние молодого парня в форме израильского солдата. Угловатые, грубые формы лица и тела придавали ему суровость, и он делал стойку на руках, упирающихся в огромный глобус.

Ездра задумчиво улыбнулся:

— А вы мысленно переверните этот объект, и вы увидите, что солдат держит на руках земной шар, то есть весь мир!

— Да! Это очень символично! — признал Марк.

— И это правда! — Ездра вопросительно посмотрел на Вербова.

— Для меня живопись или скульптура должны выражать идею сами по себе, без необходимости в пояснениях, зритель должен воспринимать искусство эмоционально, полагаясь на интуицию и интеллект. Хотя эта скульптура выполнена вполне профессионально, — отметил Вербов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.